

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 439

7 апреля 2019 г.

«СМОТРИ: ВОТ Я И ДЕТИ, КОТОРЫХ ДАЛ МНЕ БОГ»

Апостол Павел в своем Первом послании к Коринфянам выразил мысль о Премудрости Божией, которая большинству людей той поры представлялась безумием (1 Кор 1,22). Это – мысль о том, что ради спасения людей Сам Бог сошел на землю, родился, жил, пострадал и умер как человек. Для древнего сознания, – будь то языческого, будь то ветхозаветного, – это было немислимо. В Ветхом Завете Бога от людей отделяет непреодолимый человеческими силами грех, и Он остается бесконечно далеким от них, непостижимым ни в каком смысле. Сам Бог говорит Моисею: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх 33,20). В языческих мифах боги по своей прихоти могут время от времени вторгаться в жизнь людей и даже принимать видимость человека, но никогда не могут стать человеком: между бессмертными и смертными непреодолима пропасть. И вот, – о чудо! – «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин 1,18). Само Слово, которое было Богом, «стало плотью, и обитало с нами» (Ин 1,14). Люди слышали Бога, видели Его своими глазами, рассматривали и осязали своими руками (1 Ин 1,1). Небо, оставшись небом, сошло на землю. Вечное, оставаясь вечным, стало временным. Беспредельное, оставаясь беспредельным, обрело земные формы и пределы. Бог стал Человеком. О начале этого спасительного события и напоминает нам сегодняшний праздник Благовещения.

Мысль о спасительном Боговоплощении особым образом развивается в Послании к Евреям, отрывок из которого читается за Божественной литургией праздника Благовещения. Две основных идеи пронизывают сегодняшнее апостольское чтение: одна из них – соприродность Спасителя и тех, кого Он спасает, другая – сострадание Бога к людям, бедствующим в земной юдоли скорби.

Послание к Евреям подробно останавливается на том, что Спаситель был не ангелом, но подобным нам Человеком. Почему? Дело в том, что Церкви в то время (да и позднее) грозило гностическое лжеучение. Это лжеучение рассматривало ангелов как небесных посредников между людьми и Богом, которым приписывалась спасительная сила. Вспомним увещание Послания к Колоссянам: «Никто да не обольщает вас самовольным смиренным умудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно

надмеаясь плотским своим умом» (Кол 2,18). Человеку Иисусу из Назарета такая спасительная сила лжеучителями не приписывалась. Представлялось невозможным, чтобы победил смерть, принес спасение и примирил людей с Богом Тот, Кто Сам претерпел страдания и смерть, Кто был Человеком среди людей, а не ангелом. Но... «немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор 1,25). Замыслы Божии превосходят всякий человеческий «гносис»: Спасителем становится превечный Сын Божий. Тот, кто есть «сияние славы и образ ипостаси» Отца, становится Человеком, одним из «семени Авраама» (2,16). Вхождение Сына Божия в условия земной жизни и восприятие человеческой участи вплоть до смерти сотворило людям спасение. Он «стал причастным плоти и крови», «Он не стыдится называть их братьями». Природное родство между Воплощенным Словом и теми, кто Ему дан Богом, подчеркивается цитатами из Писания. Нам сейчас несколько непонятен такой способ аргументации, когда слова псалмопевца (Пс 21) или пророка Исаии (Ис 8) приписываются Иисусу Христу. Однако нам следует вспомнить, что первые слова цитируемого псалма прозвучали из уст Самого Иисуса Христа, когда Он на кресте произнес: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?» (Мк 15,34; Пс 21,1). Но этот псалом, начинаясь скорбью о богооставленности, завершается торжествующими словами пасхальной радости о спасении: «Возвещу имя Твое братьям Моим, посреди собрания воспою Тебя» (Пс 21,23). Поэтому, по мысли автора Послания к Евреям, когда скорбь креста была преобразована в радость Воскресения, из уст Иисуса Христа вопль бесконечной печали преобразился в бесконечно радостный гимн Спасителю Богу. Высказывания пророка Исаии о его полном доверии Богу, а также о его детях послужили ветхозаветным образцом для того, чтобы изобразить солидарность Иисуса Христа с людьми, его братьями и детьми Божиими. «Он должен был во всем уподобиться братьям». Что значит «во всем»? Святитель Иоанн Златоуст отвечает: «Он родился, воспитывался, возрастал, претерпел все, что следовало, и наконец умер: вот что означают слова: «во всем уподобиться братьям». Он принял плоть нашу единственно по человеколюбью, для того, чтобы помиловать нас». Но, разумеется, мы должны при этом помнить, что «не знавший греха» (2 Кор 5,21) Сын Божий подобен нам и «искушен во всем, кроме греха» (Евр 4,15).

Мысль о вочеловечении Сына Божия неоднократно выражена в Послании. Святитель Иоанн Златоуст особое внимание уделяет словам, которые в Синодальном переводе звучат так: «Не Ангелов воспримлет Он, но воспримлет семья Авраамово». Перевод – дело трудное, и далеко не всегда может точно выразить нюансы оригинала. Вот Златоуст объясняет: «Что означают слова его? Не в ангельское естество облекся Он, но в человеческое. А что значит: «воспримлет»? ... Он заимствует это выражение из примера бегущих за теми, которые уходят от них. ... Так и Христос Сам устремился и достиг род человеческий, бежавший от Него и бежавший далеко».

Вторая основная мысль, выраженная в нашем апостольском чтении, – любовь Божия к людям. Любовь дала начало Творению, она сопровождает весь путь сотворенного мира и она же завершает этот путь преображением мира, которое началось с Воскресения Иисуса Христа. Приняв на Себя человеческую природу, Сын Божий, в буквальном смысле слова, чувствует так же, как люди, а тем самым и сочувствует им. По мысли Послания к Евреям, не может понять страданий другого тот, кто сам не прошел через печали, искушения и страдания. Если бы Иисус Христос пришел в ангельском образе, в котором Он никогда не смог бы чувствовать, как люди, не мог бы страдать и умереть, как они, то Он не смог бы стать их Спасителем. Именно эта возможность сострадания людям отличает христианское представление о Боге и Боговоплощении. Через Свои страдания Сын Божий отождествил Себя с человеком. «Он, – говорит Златоуст, – знает не только как Бог, но и как человек. ... Он знает, что такое страдание, знает, что такое искушение, и знает не меньше нас страждущих, потому что Он сам страдал. ... Что же значит: «может и искушаемым помочь»? Иначе сказать: Он с великою готовностью подаст руку помощи, будет сострадательн». В лице Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, людям была протянута свыше эта «рука помощи», которая освободила их от страха и рабства смерти. Да, там, где Иисус Христос, там любовь Божия, которая изгоняет всякий страх. В Евангелиях Спаситель постоянно внушает Своим ученикам: «Что вы так боязливый? Не бойтесь!» (Мф 8,26; 10,26.28.31; 14,27; 17,7; 28,10). Впервые же эти слова звучат в устах Ангела, в спасительный день Благовещения Пресвятой Деве Марии: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, ... и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк 1,30-33).

Архамандрит Ианнуарий (Ивлиев)

АСКЕТИЗМ – есть слово греческое (ἀσκησις – от ἀσχεῖν), переводимое по-русски словом «подвижничество». В первоначальном значении у греков оно означало физическое упражнение, преимущественно гимнастику атлетов. На языке философов оно стало означать упражнение духовное: занятие наукой и особенно – нравственную дисциплину. Через греческих церковных писателей слово «аскетизм» перешло в христианство, где ему дано свое собственное истолкование, более глубокое, чем в греческой философии. История термина «аскетизм» однако не раскрывает так всесторонне его понятия, как обозрение разных видов аскетизма.

Подобно культу аскетизм составляет принадлежность религии. Вследствие этого характер религии естественно сказывается на характере аскетизма и даже иногда выражается в последнем. Уже в первобытной религии – райской был свойствен аскетизм. Заповедь, данная Богом Адаму и Еве: «от древа... еже разумети доброе и лукавое, не съесте» (Быт. 2:17), представляла узаконение поста и воздержания (Св. Василий Великий «О посте» 1-я беседа).

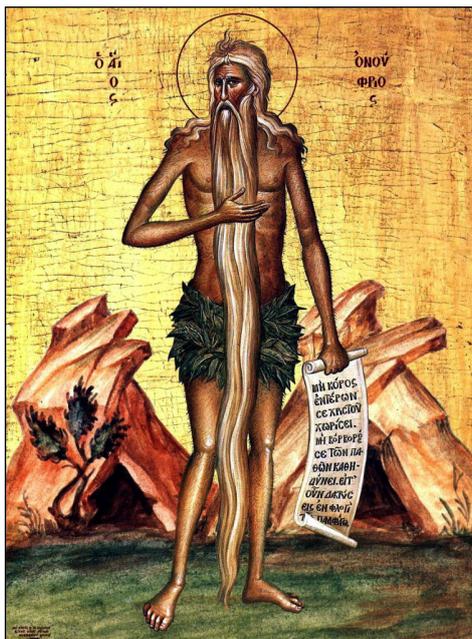
Но исключительностью райской религии обусловилась и исключительность смысла райского аскетизма. Райская религия была совершенно святым союзом человека с Богом. Поэтому райский аскетизм был лишь одним утверждением человека в святости путем исполнения воли Божией. Там не было страстей, следовательно – не могло быть и отрицания их.

После грехопадения аскетизм принял печать борьбы, т. е. отрицания страстей и утверждения в добре, как-бы кто ни понимал последнее. В еврейской религии аскетизм выразился в назорействе (Чис. 6), в служении при скинии и в обычном священническом, и особенном проходимом по обету (напр. Самуил, 1 Цар. 1, 2:1–11), в состоянии «сынов» или «ликов пророческих» (3 Цар. 18:4, 22:6), в форме нищеты (Ионадав и его потомки – Иер. 35:6–9) и отшельничества (пророки Илия, Иоанн Предтеча). Эти носители аскетизма могли быть и были, за исключением отшельников, женатыми. Девство было чуждо массе народа еврейского по причине очень присущей ему идеи деторождения (Втор. 25:9. Иоанн Дамаскин Точное изложение православной веры, кн. 4, гл. 24), как средства, при помощи которого должен прийти на землю Мессия и при помощи которого каждый еврей, в лице своих потомков, лепял надежду быть в царстве Мессии. Осуществителями девства у евреев были только некоторые тайно-зрители евангельских истин (пр. Илия, Иоанн Предтеча). Смысл еврейского аскетизма, согласно требования самой религии, заключался в непорочном служении Богу (Лев. 19:2, 20:7).

В буддизме аскетизм является истолкователем всей религии Будды. Источником, где зарождается и откуда вытекает буддийский аскетизм, служит взгляд на весь мир, как зло, или идея ничтожества, обусловленная ощущением страдания. Образ весьма престарелого, бременем лет отягченного мужа (старость), образ больного (болезнь), образ разлагающаяся трупа (смерть) – суть постоянные побудители буддиста к аскетизму (Будд. Катихиз. «Вер. и Раз.» 1887 г.). Цель это-

АСКЕТИЗМ

ПРОФЕССОР ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ПОНОМАРЁВ

го аскетизма заключается в достижении нирваны, как всецелого отрицания от бытия. В египетской и персидской религиях аскетизм осуществляли жрецы. По требованию народной религии греков, обязанность весталок, служительниц при языческих храмах, исполняли девственницы (Тертул. – «Послан. к жене»; Иероним. – «Против Иовиниан»). Для греков-философов религией была их собственная философия. В ней аскетизм истолковывался в смысле достижения гармоний, как нравственной уравновешенности тела и души (пифагорейство), и искания добродетели, как средства соделаться богом, т. е. свободным от страстей. Нищета (телесная), воздержание (телесное и духовное) и целомудрие – вот формы аскетизма философов. Диоген синопский (404–323 г. до Р. Х.) с его жилищем-бочкою обычно считается примером первой формы аскетизма, Сократ (469–399 г. до Р. Х.) с его своеобразным отмщением исколотившему его обидчику путем надписи на своем челе имени последнего: «сделал такой-то» – примером второй (Св. Вас. Вел. – «Бесед. к юнош.») и, наконец, примером третьей – считается Ксенократ (314 до Р. Х.), названный блудницей мертвецом за то, что не разделил с ней ложе, когда она была подложена к нему. Общее аскетическое направление у философов ясно выразилось в очень распространённом рассуждении «о двух путях» (Πρόβιχ, Ὁρι – возрасты; Ап. Варнавы «Послан.» 18–20 гл.), где изъяснительницами путей являются две женщины: одна изможденная трудами (олицетворение добродетели), другая – красавица (олицетворение порока). Цель же этого направления – свобода от страстей, выразилась в ходячей, произносимой по отношению к аскету, фразе: «Кратес дает свободу фивянину Кратесу» (Св. Григорий Богослов – «Похв. слов. св. Вас. В.»). Ближайшими ко времени Христа Спасителя носителями аскетизма были секты ферапевтов и ессеев, кои, проводя жизнь в нестяжательности, воздержании, девстве, тем самым исполняли свои религиозные требования. В

конечной основе своей все эти виды языческого аскетизма, за исключением буддийского, имели безусловный дуализм, по которому в учении, напр., о человеке признавались по природе дух добром, а тело – злом. Буддийское подвижничество, как известно уже, выходило из идеи ничтожества ради ничтожества.

Иисус Христос и Его апостолы благословили или осветили аскетизм, дав ему при этом свое обоснование и свой особый отпечаток. Проповедь Христа и Его апостолов о том, что христианская жизнь есть постоянное нравственное совершенствование (Флп. 3:12–15), что это совершенствование может осуществляться путем постничества, девства, или нестяжательности (Мф. 19:11, 12, 19:21; Мк. 10:21; Лк. 2:37; 1 Кор. 7, 8:25–28, 32–34; Откр. 14:1–4), собственный пример Христа и апостолов, приснодевство Богоматери... – составили евангельскую основу аскетизма (Св. Григорий Нисский – «О девстве»). Такое осуществление христианства не было, однако, провозглашено исключительной формой христианской жизни. Христос и Его апостолы благословили или осветили также и брак (Мф. 19:4–6; Еф. 5:22–32). Аскетическое осуществление христианства представляется тому, кто может его «вместить», и для избранного – этот род жизни является обязательным. Многие последователи Христа во все времена христианской эры стремились к нравственному совершенству путем аскетизма. В первые два с половиною века по Р. Х. аскетизм выразился в форме постничества (Иаков Праведный, Анна пророчица – Блж. Иероним 3, 105 стр.; 4, 184 стр. К. 1864. Св. Кирилл Иерусалимский Катих. 10, 19; Евсевий Церков. Истор. 2 кн., 23 гл.), нестяжательности (Деян. 4:32 – иерусалимская община, Серапион, еп. Антиохийский, Киприан еп. Карфагенский, Пиерий пресв. Александрийский), девства (Деян. 21:9; 1 Кор. 7:8; Св. Кипр. – «Пис. к Помпон. о девственниц.», «Кн. об одежд. девств.»; Еп. Мефодий – «Пир десяти дев или о девстве»). В половине третьего века к этим формам кроме того присоединилось отшельничество или анахоретство, еремитство (от ἔρηος – пустыня, Павел Фивейский), в VI веке замененное на востоке великосхимничеством при общежительных монастырях. Своего широкого развития в литературе и жизни аскетизм достиг в IV, V и VI веках. При сохранении основного евангельского учения об аскетизме, отцы-подвижники этого периода раскрыли понятие об этом предмете со всех возможных сторон. Их работа сделалась достоянием греко-русской церкви, где с зари христианства вплоть до наших дней аскетизм составлял и составляет душу монашества. Западная церковь во взгляде на аскетизм была согласной с восточной церковью только до эпохи средних веков. В средние века в римо-католицизме аскетизм был понят, как человеческое достаточное удовлетворение Богу (Satisfactio operum) или как заслуга (meritum) человека, а в лютеранстве, со времени реформации, – как безразличное действие (ἀδιάφορα) со знаменем: упражняйся, христианин, телесно и духовно, но знай, что это, даже искреннее, упражнение не имеет для оправданий ровно никакого значения. От такого знамени был один только шаг к отвержению аскетизма, что и сделали некоторые из протестантов.

Параллельно с истинным христианским аскетизмом в древней церкви существовали ложные учения о нем. Это – аскетические воззрения гностиков и неоплатоников. Гностицизм вышел в учении об аскетизме из абсолютного дуализма: по нему только дух – добро по природе, а тело и мир – зло. Единственная задача человека, поэтому, состоит во всяческом освобождении духа от тела и мира, как материи, как зла. Отсюда – воздержание (энкратиты от *εγκρατεία*), хотя отсюда же практиковался в гностицизме сильный разврат. Измождая плоть путем разврата, гностики думали, что тем самым они унич-

тожают зло (Ириной «Против ересей», 1 кн., 28 гл.). Так извращенно и крайне внешне – в смысле одних только всевозможных физических упражнений для освобождения духа от материи был понят аскетизм в гностицизме. Неоплатонизм, сущность понятия «человек» полагал в его духе. На тело и мир он смотрел, как на разнообразное сочетание мыслей (комбинация идей) о тех или других качествах последних (напр., плотности, цвета...). Этим он сглаживал и скрадывал понятие о вещественности и вместе признавал исключительность аскетизма, как жизни духовной, созерцательной, потому что человеку,

существу духовному, естественно пребывать только в жизни духовной, созерцательной. Цель этой жизни заключалась в пантеистическом погружении в Божество, где подобное по природе сливалось с подобным себе: человек – существо невещественное с Божеством, существом тоже невещественным. Так крайне внутренне – в смысле одних только созерцаний духа для погружения в Божество истолковывался аскетизм в неоплатонизме. Воззрения гностиков и неоплатоников сказались впоследствии во многих дуалистических и мистических сектах.

Продолжение в следующем номере

Главная забота воспитателя заключается теперь в том, чтобы результаты, добытые беседами в виде той или иной религиозной мысли и чувства, закрепить в душе ребенка, сделать их достоянием слабой детской воли. Для этой цели весьма пригодны краткие молитвословия, которыми так богато наше Богослужение и священные книги. Являясь вполне доступными детям по содержанию, имея в тоже время принятую у нас молитвенную форму, молитвословия эти легко детьми запоминаются; повторяемые же по тем или другим поводам часто, приобретают господствующее положение среди других их мыслей и в состоянии придать всей жизни известное направление⁷. Кроме того, они служат прекрасным средством для приучения и упражнения детей в молитве.

Ничто так не способствует, уверяет наш великий молитвенник, приснопамятный епископ Феофан, собиранию внимания пред лице Божие, как эти коротенькие молитвы. Молитва настоящая та есть, которая прямо из сердца исходит и к Богу восходит. И никакая другая молитва не есть молитва, если она не такова. Об этом и должна быть вся у нас забота в деле молитвы. Но обычно ум наш загроможден множеством не божеских помышлений, воля – многими житейскими заботами, сердце – сочувствиями и услаждениями земными; почему тотчас спросонку к Богу возноситься для нас то же, что из трясины выкарабкиваться. Маленькие молитовки – очень пригодное к тому средство или пособие. Они приучают ум держаться на одном; понемногу сочувствие на свою сторону перетягивают, и от забот отвлекают.

Приводить образцы таких кратких молитв мы не будем, равно как указывать дидактические приемы разучивания детьми молитв воздержимся. Ограничимся самыми общими замечаниями касательно приучения детей к домашней молитве.

Потребность молиться у детей является сама собой, под влиянием примера. Дитя видит окружающих его лиц молящимися, положим, утром или при начале и окончании дела и ему так хочется подражать взрослым, – самому молиться. Непростительно оставлять без надлежащего удовлетворения пробуждающиеся даже в этом виде потребности детского духа. Так, дитя собирается встать с постели, или отправляется гулять, старшие помогают ребенку в том и другом, но предварительно заставляют его, перекрестившись, повторить слова: «Господи, благослови», или дитя затрудняется сделать какое-либо дело, чувствует свое бессилие, исполняя какое-либо данное ему поручение, боится, например; темноты, чтобы принести

ПРИУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ К ДОМАШНЕЙ МОЛИТВЕ

какую-нибудь вещь из соседней комнаты, отчего напрасно беспокоится; как старшему не подсказать здесь ребенку, у Кого и взрослому человеку искать себе помощи, как не заставить его повторить молитву: «Господи, помоги». Или кто-нибудь в семье занемог, отчего дитя не может говорить со взрослыми: «врачу недугующих, посети, исцели и спаси нас». Так и случайно возникающие религиозные потребности детской души будут удовлетворены, отчего самые потребности, как и процесс удовлетворения их от времени будут крепнуть в восприимчивой детской душе, пока не превратятся в разумные навыки.

Конечно, подметить и проследить настроение духа в детской душе не всегда легкое дело, тем неослабнее родители должны заботиться о привитии детям доброго обычая молиться Богу в известный час утром и вечером. Не следует опасаться того, что, строго соблюдая это правило, мы будем заниматься только религиозной выправкой и заслужим упрек в том, что учим детей лицемерию. Важно, пишет один высокочтимый отец, повторяя весьма распространенное мнение нашего образованного общества, чтоб религия явилась ребенку не иначе, как в виде добровольного чувства... Не должно вынуждать благоговейного настроения, не следует суровыми мерами требовать религиозного поклонения, а оно должно быть соединено с искренним, добрым расположением.

Отнюдь не проявлением власти приведете вы детей своих к вере, говорит Е. Прессансэ. Душа отвращается от того, кто ее насилует, и она права. Отцовский авторитет не идет так далеко, чтобы производить в детях убеждения по своей команде. Убеждения эти родятся и развиваются при соприкосновении с истинным и последовательным благочестием.

Особенно же молитва не должна быть вынужденной при помощи средств суровых или мягких. Случается, что ребенка, который не хочет молиться в положенное время, накажут сначала, а потом, когда у него слезы в три ручья льются по лицу, а в сердце гнездится обида к наказавшему, заставляют читать молитву. Такое богомолье не приносит пользы религиозному развитию ребенка... А то случается, что молитву делают предметом хвастовства и просто превращают в какое то представление. Маленький ребенок, например, выучил большую и трудную молитву. Родители и хвастают этим пред посторонними, заставляя ребенка читать молитву, как

только в доме явится кто-нибудь чужой. В письмах Бэмэ приводится такой случай: В дом приходит гость, и молодая мать в разговоре с ним заявляет, что ее очень маленький сын отлично читает «Отче Наш». Сейчас же зовет она сына, ставит перед образом и заставляя прочесть молитву. Тот в недоумении и мыслей собрать не может, – он играл, когда его позвали, и не молитва у него на уме. Помолчав немного, однако он отвечает: «не хочу» – «Да прочитай же, я тебя прошу, и вот дядя послушает, как ты читаешь». «Не хочу», говорит ребенок. – «Ну, прочитай, я тебе апельсин дам». «Давай сначала апельсин». Мать приносит апельсин, ребенок кладет его в карман и нехотя, торопливо прочитывает молитву. Понятно, что это уж не молитва, а профанация, представление какое-то, и она уже не средство развития религиозного чувства, а средство получения апельсина. Необходимо, чтобы, прежде чем ребенок стал на молитву, в душе его возбуждено было какое-либо из религиозных чувствований, например, чувство благодарности к Богу, благоговения, смирения перед Ним и т. п. или хотя одно простое желание молиться. Как достигнуть этого, путем ли соответствующей беседы или при посредстве примера – это дело воспитательского такта родителей. Главное здесь в том, чтобы родители не думали, что молитвенное настроение у ребенка будет появляться само собой, нет, в большей части случаев его нужно вызвать в душе дитяти.

Протоиерей Александр Маляревский

Расписание богослужений с 8 по 14 апреля 2019 г.		
8 апреля Понедельник	Собор Архангела Гавриила	
9 апреля Вторник	Мц. Матроны Солунской	
10 апреля Среда	Прп. Илариона Нового, игумена Пеликитского	8:30 Утренняя. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр/</i> 17:00 Утренняя с канонам св. Андрея Критского. 1 час <i>/все священнослужители/</i>
11 апреля Четверг	ЧЕТВЕРТОК ВЕЛИКОГО КАНОНА «СТОЯНИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ»	8:30 Часы. Изобразительны. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Андрей/</i>
12 апреля Пятница	Прп. Иоанна Лествичника	8:30 Утренняя. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с литургией Преждеосвященных Даров. <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Утренняя с чтением акафиста. 1 час <i>/все священнослужители/</i>
13 апреля Суббота	СУББОТА АКАФИСТА. ПОХВАЛА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ	8:30 Часы. Исповедь. Литургия свт. Иоанна Златоуста. <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
14 апреля Воскресенье	НЕДЕЛЯ 5-Я ВЕЛИКОГО ПОСТА, ПРП. МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Василия Великого <i>/все священнослужители/</i> <i>По окончании Литургии будет совершаться Таинство Елеосвящения (соборование)</i> 17:00 Пассия <i>/иерей Александр/</i>

О ТОМ, ЧТО НЕИЗРЕЧЕННА НЕБЕСНАЯ РАДОСТЬ И СЛАВА, УГОТОВАННАЯ СВЯТЫМ

ИЗ ЖИТИЯ СВЯТОЙ СИНКЛИТИКИИ

Блаженная Синклитикия говорила следующее: «На этой земле мы – словно бы второй раз в материнском чреве. В лоне матери мы не обладали ни той жизнью, ни той твердой пищей, которой наслаждаемся сейчас, и не могли действовать так, как здесь. Даже от солнечного сияния и любого другого света мы были отделены, и не было у нас многих других здешних радостей. Так и в мире сем мы лишены того великого и удивительного, что будет в Царствии Небесном.

Мы достаточно испытали то, что здесь, – возжелаем того, что там! Мы вкусили пищи земной – возжаждем небесной! Мы наслаждались земным светом – устремимся к Солнцу Правды, устремимся, чтобы увидеть горний Иерусалим, наше отечество и нашу мать! Проживем оставшуюся часть нашей жизни в чаянии небесного, дабы вкусить нам и вечных благ!

Ибо, как младенцы во чреве, живя и питаясь в несовершенстве, обретают форму и тем самым переходят к полноценной

жизни, так и праведные, возросши за время пребывания в этом мире, переходят в горнее жителство, шествуя, по написанному, от силы в силу. А грешники, словно зародыши, умершие еще во чреве, предаются из тьмы во тьму. Потому что и на земле, в погоне за земным, они проводят свою жизнь во тьме, и по смерти низвергаются в самые мрачные и страшные места.

Таким образом, в жизни мы рождаемся трижды. Один раз мы исходим из материнских чресел – и из земли в землю. Другие же два переносят нас от земли на небо: сперва – благодатью, в божественном крещении (справедливо мы называем его «новым рождением»), а затем – нашим покаанием и благими трудами, к чему мы и приступили».

ИЗ АВВЫ ИСАИИ

Размышляй о той чести, которую стяжали святые, и шаг за шагом их ревность будет все больше увлекать тебя. Вспоминай и о тех поношениях, что остались на долю грешников, – и эта мысль сохранит тебя от лукавства.

ИЗ СВЯТОГО МАКСИМА

Бог и Слово Бога и Отца стал Сыном человеческим и Человеком для того, чтобы сделать людей богами и

сынами Божиими. И мы верим, что станем ими там, где ныне Сам Христос, превыше всех небес, как Глава всего Тела стал Ходатаем за нас перед Отцом. Ибо в сонме спасенных богов Бог будет стоять посреди них (Пс.81.1), каждому уделяя его меру небесного блаженства, и между Ним и достойными не будет разрыва в пространстве. И одни говорят, что Царство Небесное будет жителством на небесах тех, кто достоин; другие – что им будет ангелоподобное состояние спасшихся; а третьи – что это будет лицезрением самой красоты Божества и обретут его те, кто понес в себе образ небесного. На мой же взгляд, согласны с истиной все три мнения. Ведь каждому будет дана благодать сообразно тому, как и насколько он был праведен.

Преп. Никодим Святогорец. Благолюбие

